

УДК 1 (101.2)
ББК 87
Ф 56

Научный редактор Варава В.В., доктор философских наук, профессор
Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Пра-
вительстве РФ, председатель Регионального Объединенного Движения
«Русская Философия»

Коллективная монография. Философия жизни и смерти в России: вче-
ра, сегодня, завтра — М.: — Издательский Дом «Русская Философия»,
2020. — 126 с.

ISBN 978-5-6045413-3-3

Аннотация.

УДК 1 (101.2)
ББК 87
Ф 56

© Региональное Объединенное Движение «Русская Философия», 2020
© Издательский Дом «Русская Философия», 2020

ISBN 978-5-6045413-3-3

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Прохождение через символическую смерть в русской военной поэзии на примере современной поэзии Донбасса

Ищенко Н.С.

кандидат философских наук,
доцент кафедры музыкального
искусства эстрады, ГОУК ЛНР
«Луганская государственная
академия культуры и искусств
имени М. Матусовского»

Заславская Е.А.

преподаватель кафедры рекламы
и PR-технологий, ГОУК ЛНР
«Луганская государственная
академия культуры и искусств
имени М. Матусовского»

Смерть представляет собой важнейшую часть любой человеческой культуры. Осмысление смерти и ее ритуализация создают константы формирования культурного пространства. В ситуации постоянного контакта со смертью человек оказывается на войне. В 2014 году началась война Украины и Донбасса, которая продолжается по сей день. События последних лет нашли отражение в литературе Донбасса. Рассмотрим осмысление смерти в современной донбасской поэзии.

Война — это событие, которое затрагивает всех и каждого. Это время предельного выбора, когда каждый человек должен решить, что он будет делать, что он готов отдать, а за что готов бороться до самой смерти. Именно война обращает каждого человека к осознанию смерти и пробуждает мифологические пласты народного сознания. Один из важнейших мифологических архетипов — это прохождение через символическую смерть.

Современный российский философ Александр Дугин в книге «Философия войны» пишет: «Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить. Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеиванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций — в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т.е. уже ставшего на небесные пути) царства» [5].

Луганский философ и публицист Виталий Даренский называет поэзию универсальным языком Памяти. По его мнению, поэзия пробуждает в человеке прапamять — нечто такое, что предшествует инди-

видуальной человеческой памяти в обычном понимании этого слова. Прапamять дарит нам чувство изначальной причастности неизбывному смыслу бытия, это память о неслучайности нашей жизни [3]. Прапamять может рассматриваться как культурная память данного народа. Культурная память панхронна, то есть включает в себя тексты не только недавнего времени, но вообще все тексты данной культуры, и будучи панхронной, культурная память противостоит времени, сохраняя прошедшее как пребывающее, сохраняя как элементы культурного пространства, так и возможность их актуализации [9].

Панхронная память культуры функционирует в мифологическом времени, в котором все значимые события повторяются и в некотором смысле существуют одновременно, представляя собой синхронный срез мифологического пространства. Отличительными чертами времени культуры является «непрерывное движение смыслов, возможность движения в обоих направлениях от точки отсчета, существование смыслов в ситуации одновременности, существование не актуализированных смыслов в латентном виде и их возможная актуализация в определенный момент» [8].

Основная функция мифа в обществе заключается в том, чтобы задавать в эстетической и сакральной форме образцы социально-одобряемого поведения, которое способствует выживанию общества как целого, а не выражает интересы отдельных социальных групп. Поэтому в период войн и потрясений актуализируются те мифы, которые доказали свою жизнеспособность, сохранив общество в кризисных ситуациях.

Для Донбасса, который является частью русского культурного пространства, ближайшим периодом актуализации связанных с войной мифологических смыслов была Великая Отечественная война 1941–1945 годов против немецко-фашистских захватчиков.

В тот период Донбасс несколько месяцев оборонялся от гитлеровских армий, около двух лет был под оккупацией, во время которой не прекращал борьбу. Здесь действовали подпольные организации, включая самую известную в пределах Советского Союза «Молодую гвардию». Это была антифашистская комсомольская организация юношей и девушек, которых мы и сейчас называем молодоговардейцами, и которые были зверски замучены и казнены фашистами.

События тех лет ставили каждого человека Донбасса в ситуацию экзистенциального выбора, когда перед лицом смерти он должен был определяться, ради чего он живет и почему он делает то, что он делает. Осмысление этих вопросов нашло отражение в произведениях искусства того периода.

Несмотря на общую атеистическую идеологию советского государства, массовое включение в повседневность таких глубинных пластов человеческого бытия заставляло обращаться к мифологическим образам. «Поэзия о Великой Отечественной войне, помимо своего особого значения в истории русской литературы, остается неиссякаемым хранилищем исторической памяти и духовного опыта народа, которые никому не удастся разрушить: «Наши павшие — как часовые», — пишет Даренский [2].

Философ выделяет три архетипа, зашифрованные в поэтических текстах: символическая смерть, трагическая вина, вхождение в сакральную общность Родины [4]. По его мнению, они содержат важнейший смысл войны как духовного испытания народа, способного дать опыт Родины, который созидает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь. Рассмотрим проявление архетипа прохождения через символическую смерть в советской поэзии, посвященной Великой Отечественной войне и в современной поэзии Донбасса, который реализуется в мифологическом времени.

Этот архетип охватывает такой круг тем, как самоотжествление автора с погибшими, вещание из инобытия, венчание со смертью. Ярче всего этот архетип выражен в стихотворении Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» (1945–1946):

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире
До конца его дней —
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей... [12].

Не только образ, но и осмысление смерти дается в военном стихотворении Михаила Дудина «Соловьи» (1942):

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо

Обветренные скулы сведены.
Трёхсотпятидесятый день войны...

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле -
У нас сегодня пели соловьи»...

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом [6].

Нынешняя война на Донбассе, которая идет с 2014 года, воспринимается местными жителями как освободительная война против захватчиков и оккупантов с Запада. В мифологическом пространстве современные события естественным образом осмысляются как рядоположные с событиями Великой Отечественной войны, что заставляет обратиться к советской культуре, которая средствами своего времени выражала образы и типы социального поведения, позволившие сохра-

нить общество во время Великой Отечественной войны, а в современной поэзии Донбасса заметить те же архетипы, которые так ярко проявились в военной советской поэзии.

Прохождение через символическую смерть выражено в стихотворении краснодонской поэтессы Анны Вечкасовой «А скорая меня не довезла»:

А «скорая» меня не довезла,
напрасно била об асфальт колеса.
В единый миг я стала безголоса
среди руин и битого стекла... [1]

Этот архетип также занимает значительное место в творчестве Марка Некрасовского, члена Союза писателя ЛНР, участника различных литературных проектов:

На войне не думать о войне
Помогает только мысль о доме.
Раненый лежу я на стерне,
У врага как будто на ладони....
Я последний свой держу редут
Здесь на поле, на стерне и в жиже.
Солнце село. Слышу, как ползут.
Окружают. Ближе, ближе, ближе...
Я гранаты отпустил чеку.
Только так я близких сберегу [10].

Архетип символической смерти оформляет пространство стиха «Мне снился сон» (2017) в произведении Виктора Плешакова:

Мне снится сон — я на войне
В крови, в грязи, в поту
Все тот же бой — фантом в окне,
Где я в цепи иду.
Застыли в ужасе немом
Промерзшие поля
В глазах тоска. Идем? Идем.
Дебаль, судьба моя...
Упал один, за ним второй.
Когда же мой черед?

Рвет воздух в клочья надо мной
Убийца-пулемет.
И в этом сне я вижу сны,
Кричу от этих снов,
От разжиревших от войны
Дебали сытых псов.
Я в этом сне еще живой
И может быть, вернусь
Вернусь домой. Но снова — бой.
Когда же я проснусь?! [11]

Венчание со смертью составляет главную тему стихотворения Елены Заславской «На главной баррикаде» (2015):

На главной баррикаде
В белой балаклаве
Он глядит на Смерть.
А она-то вся при параде,
Рот в крови, как в помаде,
Говорит ему: «Иди ко мне.
Как же я тебя любить буду,
Целовать буду, миловать буду,
Уведу тебя я отсюда,
И как звать тебя позабудут.
А постель моя в ковылях,
А постель моя вся в росе,
Уложу на нее я тебя,
Позабудешь и ты обо всех».
Но пока стоит мой солдат,
Хоть и взят врагом на прицел.
Он со Смертью глаза в глаза.
И в расширенных зрачках его свет [7].

Таким образом, архетип прохождения через символическую смерть выражен как в русской поэзии времен Великой Отечественной Войны, так и современной поэзии Донбасса. Произведения поэтов разного времени оказываются рядом в культурном пространстве исторической памяти. В них проявляется похожее осмысление смерти и введение ее в круг сущностных признаков жизни. Во время войны смерть забирает молодых, тех, кто не успел пожить, не реализовался. Поэты военного

времени на уровне образов и идейного содержания показывают, что эта смерть не напрасна, что прохождение через смерть — это подвиг для защиты жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вечкасова, А. А «скорая» меня не довезла / А. Вечкасова // Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск, 2016. – С. 17.
2. Даренский, В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В. Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2014. – №1(15). – С. 90 – 110.
3. Даренский, В.Ю. Поэзия как метафизическая Память / В. Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2011. – №2(10). – С. 68 – 79.
4. Даренский, В.Ю. Философия войны в русской поэзии периода Великой Отечественной войны / В.Ю. Даренский // На грани мира и войны. Философское монтеневское общество. – Луганск, 2015. – С. 54 – 63.
5. Дугин, А.Г. Философия войны / А. Г. Дугин. – М.: Яуза, 2004. – 256 с.
6. Дудин, М. А. Соловьи [Электронный ресурс] / А. М. Дудин // Русская поэзия. – Режим доступа: <https://guroem.ru/dudin/o-mertvux-my.aspx>
7. Заславская, Е. А. На главной баррикаде / Е. А. Заславская // Год войны. Сборник стихотворений. – Луганск : Блиц-информ, 2015. – С. 10.
8. Илвицкая, Л. Г. Время и хронотип : новые подходы и понятия : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. – Саранск, 2011. – 19 с.
9. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 200–202.
10. Некрасовский, М. На войне не думать о войне / М. Некрасовский // Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск, 2016. – С. 78.
11. Плешаков, В. Мне снится сон – я на войне / В. Плешаков // Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск. Большой Донбасс, 2017. – С. 115.
12. Твардовский, А. Т. Я убит подо Ржевом... / А. Т. Твардовский // Стихотворения и поэмы / А. Т. Твардовский. – М. : Молодая Гвардия, 1954. – С. 205 – 210.

Константно пластично и навечно смертно

Криман А.И.

младший научный сотрудник
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
концептуальная художница

Философия всегда, так или иначе, разворачивается вокруг смерти и ее преодоления. Мысль — это бунт против смерти. Гораздо естественнее про смерть не помнить, не знать, длиться в потоке вещей и событий, множить сущности назло Оккаму. Мыслить — значит иметь смелость поставить преграду, пусть и временную, вклиниться в этот слаженный часовой механизм мироустройства. Пожалуй, единственной преградой, способной действительно замедлить или продлить реальность — вопреки словам и вещам — хоть на миг для Вселенной (или на целую жизнь для человека), являешься ты сам.

Зависание в пространстве — схватка со смертью, где исход предрешен. Но красота и трагизм человека в том, что, несмотря на свою хрупкость, на знание своей конечности — он бросает вызов. В этом просвете рождается истина, красота, любовь, благо. То, что без надрыва никогда не будет настоящим. Всегда нужен надрыв, потому что без него — все расщепляется на слишком человеческое.

Философы — аполлоны, титаны, дионисы, гекаты, кибелы, ... удерживают мир от прожорливого Хроноса. Поразительно, но только нарушением естественного порядка вещей, только попыткой поломки этой сакральной структуры можно спасти вечность. Сакральное — это не воздвижение мистических сооружений с утверждением некой связи с божественным, не слепое следование предписаниям с трусливой оглядкой на когда-то кем-то положенное. Потайное сакральное, раскрываемое человеком — это болезненная ноша знания языка, что всегда ведет к выходу из систем когда-то кем-то положенного; ожидание неминуемого исхода с ясным видением предрешенности. И всегда наступает вдруг, и многовековые шестеренки, движимые законами небесной канцелярии, наконец берут измором хрупкое органическое, и человек ло-